

Научная статья
УДК 323
DOI: 10.20323/2658-428X-2022-3-16-65-79
EDN: NKWITL

Эффективность региональной политики идентичности в общественном мнении: опыт г. Санкт-Петербурга

Софья Константиновна Калашникова

Аспирант кафедры политических институтов и прикладных политических исследований ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург
sofyakalashnikova15@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9837-3363>

Аннотация. Статья посвящена проблеме оценки эффективности политики идентичности регионального уровня в России. В работе региональная политика идентичности интерпретируется как определенный набор реализуемых региональными элитами (основным агентом) направлений, основанных на символическом капитале территории, для формирования устойчивой региональной идентичности местного сообщества. Ключевым трендом становится исследование региональной идентичности в рамках инструментального подхода: идентичность оценивается как необходимый ресурс для обеспечения «конкурентоспособности» субъекта. Это обосновывает необходимость разработки критериев и методик анализа проводимой властями институтами политики идентичности на предмет ее результативности. В работе приведены определения таких категорий, как «региональная политика идентичности» и «эффективность» в политологических исследованиях. Из-за диффузии политики идентичности и отсутствия четких институциональных рамок оценка эффективности может производиться через комплекс эмпирических исследований, сочетающий ряд методик для получения наиболее полной картины. Автором представлен обзор эмпирического опыта российских исследователей за последние пять лет по оценке направлений символической политики. Особое внимание уделяется потенциалу опросных методов в контексте измерения социального эффекта проводимой политики. С целью выявления установок политического сознания взрослого населения г. Санкт-Петербурга, формирующихся под воздействием осуществляемой в регионе политики идентичности, автором статьи был проведен массовый репрезентативный Интернет-опрос. Результаты анализа полученных данных определили актуальность каждого направления политики идентичности для жителей Санкт-Петербурга, компоненты ядра петербурж-

© Калашникова С. К., 2022

ской идентичности, маркеры приезжих и «коренных» жителей, доминирующие, с точки зрения городского сообщества, символы региона, потенциальные точки конфликта, общий уровень регионального патриотизма и оценку деятельности властей.

Ключевые слова: символическая политика; политика идентичности; региональная идентичность; региональная политика; образ региона; массовый опрос; Санкт-Петербург

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32286

Для цитирования: Калашникова С. К. Эффективность региональной политики идентичности в общественном мнении: опыт г. Санкт-Петербурга // Социально-политические исследования. 2022. № 3 (16). С. 65-79. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-65-79>. <https://elibrary.ru/nkwitl>.

Original article

Effectiveness of regional identity politics in public opinion: experience of St. Petersburg

Sofia K. Kalashnikova

Postgraduate student at department of political science, department of political institutions and applied political research, St. Petersburg university, St. Petersburg
sofyakalashnikova15@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9837-3363>

Abstract. The article is devoted to the problem of assessing effectiveness of the identity policy at the regional level in Russia. In the work, regional identity politics is interpreted as a certain set of directions implemented by regional elites (the main agent), based on the symbolic capital of the territory, to form a stable regional identity of the local community. A key trend is the study of regional identity within the framework of an instrumental approach: identity is assessed as a necessary resource to ensure the “competitiveness” of the subject. This justifies the need to develop criteria and methods for analyzing identity policies pursued by government institutions for their effectiveness. The paper provides definitions of categories such as “regional identity politics” and “efficiency” in political science research. Due to the diffusion of identity politics and the lack of a clear institutional framework, effectiveness can be evaluated through a set of empirical studies that combines a number of techniques to obtain the most complete picture. The author provides an overview of the empirical experience of Russian researchers over the past five years in assessing the directions of symbolic policy. Particular attention is paid to the potential of polling methods in the context of measuring the social effect

of policies. In order to identify the attitudes of the political consciousness of the adult population in St. Petersburg, formed under the influence of identity politics carried out in the region, the author of the article conducted a massive representative Internet survey. The results of the analysis of the obtained data determined the relevance of each direction of identity policy for residents of St. Petersburg, components in the core of St. Petersburg identity, markers of visitors and “indigenous” residents, dominant, from the point of view of the urban community, symbols of the region, potential points of conflict, the general level of regional patriotism and assessment of authorities’ activities.

Keywords: symbolic politics; identity politics; regional identity; regional policies; the image of the region; mass polling; St. Petersburg

The study was carried out with the financial support of RFFI and EISI within the framework of the scientific project No. 20-011-32286

For citation: Kalashnikova S. K. Effectiveness of regional identity politics in public opinion: experience of St. Petersburg. *Social and political researches*. 2022;3(16):65-79. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-3-16-65-79>. <https://elibrary.ru/nkwitl>.

Введение

Проблемы региональной политики России находятся в междисциплинарном научном фокусе с момента первой волны регионализации 1990-х годов. В 2000-х годах исследования регионов России актуализировались в контексте отношений «периферия – центр». Однако в настоящее время наблюдается регионализация другого типа, которая происходит не только на основаниях политико-административного деления, но и опирается на культурно-экономические факторы, неразрывно связанные с понятием идентичности. Несмотря на сложности интерпретации термина «идентичность» и чрезмерную аналитическую перегруженность термина [Брубейкер, 2000], направление остается крайне востребован-

ным и в рамках научного дискурса, и в контексте практико-ориентированной политической деятельности. В данной работе *региональная политика идентичности интерпретируется как определенный набор реализуемых региональными элитами (основным агентом) направлений, основанных на символическом капитале территории, для формирования устойчивой региональной идентичности местного сообщества*.

Ключевым трендом становится исследование региональной идентичности в рамках инструментального подхода: устойчивая территориальная идентичность рассматривается как базовое условие для развития региона; как необходимый ресурс для обеспечения «конкурентоспособности» субъекта [Назуки-

на, 2014]. Т. Банини в своей работе говорит о таком понятии как «активная территориальность» (active territoriality) [Banini, 2017, с. 18]. Автор определяет данный феномен как основную цель формирования территориальной идентичности, ее имплементацию, выраженную в осознании общих ценностей сообщества как жизненно необходимых факторов воспроизводства индивидуальной и общественной жизни (наравне с биологическими и культурными составляющими). Рассуждая о целях и задачах политики идентичности, вопрос оценки эффективности этого направления символической политики автор оставляет открытым.

Интерпретация и границы применения категории «эффективность» в политологии – остро дискуссионная тема. В контексте измерения эффективности политической деятельности разработка данного понятия и его критериев осуществляется в двух плоскостях: оценка качеств самой политической элиты, ее внутренних свойств, «правил игры», используемых каналов рекрутирования [Смирнов, 2007] (этот подход можно условно обозначить как внутренний) и оценка государственного управления, процесса принятия решений, реализации принимаемых мер и социального эффекта (этот подход ориентируется на внешние результаты деятельности государства).

В менеджменте полученный результат часто соотносится не только

с затраченными ресурсами, но и с оценкой влияния деятельности на объект воздействия (фактор социальной оправданности результата), что является отсылкой к проблеме эффективности публичной власти [Сунгуров, 2010]. Фактор социальной оправданности результата – ключевая характеристика, необходимая для оценки целесообразности реализуемых действий, их корректировки или даже полной трансформации в случае отсутствия социального эффекта.

Эмпирический опыт оценки направлений символической политики

Из-за диффузии политики идентичности и отсутствия четких институциональных рамок оценка эффективности может производиться через комплекс эмпирических исследований, сочетающий ряд методик для получения наиболее полной картины. За последние 5 лет отечественными исследователями был апробирован широкий спектр эмпирических инструментов для оценки эффективности направлений символической политики.

Метод экспертных интервью активно используется как в политологических исследованиях [Белов, 2018; Озерова, 2018], так и в работах экономистов, акцентирующих внимание на брендинге территорий как на категории маркетинга [Пашкус, 2016]. Предлагаемые авторами критерии и факторы эффективности политики идентичности базируются на экспертных оценках

научного сообщества и представителей политических структур, которые играют значимую роль в формировании как национальной (гражданской), так и региональной идентичности [Попова, 2019; Шенякова, 2019; Авксентьев, 2017].

Особый интерес представляет потенциал применения дискурс-анализа для изучения политики идентичности и политики памяти. В одной из последних работ М. В. Назукиной и Е. Ю. Филипповой была реализована практика применения дискурс-анализ поздравительных текстов, встроенного в кроссрегиональный сравнительный анализ 20 российских республик за период с 2012 по 2019 год [Назукина, 2019]. Авторы приходят к выводу, что «Дни республики» могут служить площадкой для актуализации этнического компонента со стороны представителей власти республик.

Ярким примером анализа дискурсивных практик в контексте изучения особенностей национальной символической политики являются недавние работы О. В. Малиновой, посвященные репрезентациям исторического опыта 1990-х г. как представителями либеральных партий, так и В. В. Путиным в контексте формирования мифов о данном периоде [Малинова, 2018]. По утверждению автора, мнемонические стратегии спикеров часто продиктованы практическими задачами, например, необходимостью

конструирования границ сообществ [Малинова, 2019].

Еще один интересный подход отечественных авторов в рамках изучения символической политики: комбинированные методики (метод «case-study», архетипический анализ, метод дескриптивного анализа и др.) применяются для оценки представленных образов СССР/России (и их «соперников») в компьютерных играх [Федорченко, 2019; Белов, 2020].

Обоснование

методики исследования

Массовые опросы являются оперативным инструментом, позволяющим в сжатые сроки оценить отношение граждан как к политическим институтам, так и к мерам [Будко, 2015], которые принимаются властными структурами, но реализуются на общественном уровне, изменяя жизнь граждан. Кроме того, проводятся массовые опросы жителей регионов, направленные на фиксацию и оценку общественного эффекта проводимых государственными институтами мер [Шульга, 2017; Мартынов, 2019].

Для региональной политики идентичности г. Санкт-Петербурга, как и других российских регионов, характерна стихийность и фрагментарность политического курса. Это выражается в отсутствии одного политического института, который мог бы нести ответственность за реализацию и эффективность проектов по построению и развитию региональной идентичности. В та-

кой ситуации репрезентативный массовый опрос, позволяющий оценить ситуацию «снизу», со стороны так называемого «объекта» влияния, является ценным социологическим инструментом для измерения соотношения вложенных ресурсов и полученных результатов.

С целью выявления установок политического сознания взрослого населения Санкт-Петербурга, формирующихся под воздействием осуществляемой в регионе политики идентичности, автором статьи был проведен массовый Интернет-опрос взрослого населения г. Санкт-Петербурга.

Программа исследования базировалась на основании выявленных направлений политической деятельности региональных властей в данной сфере и апробированных в ходе пилотажного исследования критериев оценки. Автор выделил три основных направления региональной политики идентичности в г. Санкт-Петербурге: проведение массовых городских мероприятий, основанных на памятных, исторических датах, конструирование символического городского пространства средствами топонимической политики и брендинг территории. Обосновывая выбор критериев, стоит сказать, что в условиях современного мегаполиса, когда информация уже третье десятилетие – ключевой ресурс власти [Шабров, 2010], необходимо учитывать уровень информированности жителей о проведении каких-либо дей-

ствий в рамках конкретного направления, так как оценка значимости того или иного компонента политики идентичности для представителей власти и для рядового жителя может кардинально отличаться. Во-вторых, представляется нецелесообразным говорить об эффективной политике идентичности без учета уровня включенности жителей в реализацию деятельности по формированию региональной идентичности, поскольку цель однозначна – «... убеждение людей в том, что они представляют собой особую, солидарную группу» [Брубейкер, 2012, с. 122]. В-третьих, оценка текущего состояния каждого направления, степень удовлетворенности жителей как деятельностью властей в целом, так и конкретными мерами, место региональной идентичности в общей матрице идентичностей – все это результирует усилия властей по формированию идентичности петербуржцев.

Автором был выбран онлайн-формат сбора данных на основании следующих преимуществ интернет-опросов: высокий уровень достижимости респондентов, низкие финансовые и временные затраты, наглядность визуальных материалов, присутствующих в опросном листе. Максимальная репрезентативность данных была обеспечена ежедневным контролем соблюдения квот с последующими корректировками настроек нескольких типов интернет-рекламы. Платформа, на

которой была размещена анкета, ограничивала возможность повторного прохождения опроса, поэтому риски неоднократного участия были минимальны.

В рамках массового онлайн-опроса для формирования системы отбора респондентов была выбрана бесповоротная квотная выборка, осуществляемая с помощью онлайн-платформы (<https://ru.research.net/>) при контроле таких параметров как пол, возраст, район проживания. Объем выборочной совокупности 1 100 респондентов. Отсев респондентов, выходящих за рамки определенной выборки, осуществлялся вручную. Рекрутирование респондентов проводилось с помощью таргетированной и контекстной рекламы. Автор использовал следующие методы обработки данных: анализ одномерных распределений, анализ таблиц сопряженности, кластерный анализ, факторный анализ в программе IBM SPSS Statistics.

Результаты исследования

Для определения доминирующих символических оснований региона респондентам было предложено оценить по пятибалльной шкале ряд описательных характеристик г. Санкт-Петербурга. Наиболее значимыми оказались историческая (95 %), туристическая (87 %), портово-морская (80 %), культурная (77 %) (процент отражает долю респондентов, присвоивших указанной характеристике 4 или 5 баллов). Декларируемые властями города как в публичных

выступлениях [Калашникова, 2020], так и в документах, посвященных стратегии регионального развития, особенности г. Санкт-Петербурга как «современного», «удобного», «комфортного» пространства возможностей, по данным опроса, не находят отклик у горожан.

Факторный анализ переменных, отражающих различные символические доминанты региона, позволил выявить *три группы* связанных между собой *характеристик*. *Первая группа* включила в себя определение региона как культурного, исторического, туристического, европейского, современного и удобного для жизни мегаполиса; *вторая группа* объединила портовую, морскую и промышленную специфику города; *третья* – гастрономическую, развивающуюся и многонациональную черты.

Отвечая на вопрос о местах, которые петербуржцы готовы рекомендовать туристам посетить в первую очередь, респонденты сформировали следующий рейтинг: памятники и архитектурные достопримечательности считают обязательной частью туристической программы 85 % опрошенных, а музеи и театры 68 % респондентов. Остальные варианты оказались крайне невостребованными: места паломничества готовы рекомендовать туристам только 10 % горожан; фестивали, концерты и форумы – 7 %; парки развлечений – только 3 %. Досуговые предпочтения са-

мих горожан представлены в той же иерархии.

Говоря об образе типичного представителя г. Санкт-Петербурга, можно отметить, что, по мнению респондентов, образованность (78 % позитивных оценок), эрудированность (74 %), вежливость (74 %), доброжелательность (72 %) и отзывчивость (70 %) являются ключевыми характеристиками петербуржцев и определяют личностный портрет представителя региона.

Абсолютно для всех возрастных категорий региональная идентичность является приоритетной по отношению к общегражданской («я-россиянин») и национальной («я-представитель своего народа», то есть русский, бурят, чеченец и т. д.). Однако молодежь больше склонна оценивать себя как европейцев, чем представители старшего поколения (у респондентов в возрасте 18-30 лет «петербургский» компонент практически равен европейскому). Европейская составляющая идентичности является доминирующей для жителей центральных районов с сильной архитектурно-исторической компонентой: Центрального, Василеостровского, Адмиралтейского.

Эти данные подтверждают тезис о том, что на протяжении последних 30 лет петербургский регионализм остается важной частью городского политического дискурса. Выявленное противостояние регионального и общенационального компонентов коллективной иден-

тичности подтверждает противоречивость идентификационных характеристик массового сознания жителей г. Санкт-Петербурга: колебания между европейским городом, символом свободы и демократии и бывшим центром Великой Империи, культурной столицей России. Возможным фактором «перевеса» одной из доминант политического сознания может быть устойчивость центральной власти федерального уровня в целом [Коцюбинский, 2019].

Интересно отметить, что, согласно данным опросов Левада Центра, оценка страны как европейского государства среди россиян за 13 лет снизилась на 23 %: в 2008 году более половины (52 %) опрошенных считали, что Россия – европейская страна, а в 2021 данный показатель составил только 29 %. При этом меньше трети (27 %) россиян в 2021 году считают себя европейцами (2008 год – 35 % ответили утвердительно) [Данные социологического опроса ... , 2021]. Можно предположить, что запрос петербуржцев на европейский проект идет вразрез общероссийскому тренду.

Жителей Северной столицы отличает высокий уровень регионального патриотизма: 84 % петербуржцев испытывают чувство гордости на основании своей принадлежности к региону. Также 74 % опрошенных согласились с утверждением «Я хочу, чтобы сле-

дующие поколения моей семьи жили в Петербурге».

Следующий блок вопросов был направлен на выявление отношения горожан к символике города, массовым городским мероприятиям и топонимической политике. Наиболее популярными среди населения символами региона являются: Медный всадник, кораблик Адмиралтейства, разводные мосты и Петропавловская крепость. Ниже всего был оценен потенциал флага региона, Зенит-арены и Лахта Центра, хотя именно два последних архитектурных символа могут ассоциироваться с образом «современного» и «развивающегося» региона.

Более 36 % горожан активно интересуются (чаще двух раз в месяц) массовыми региональными мероприятиями. Треть петербуржцев, в свою очередь, равнодушна к массовым праздникам и никогда не принимает участия в городских гуляниях. Самыми популярными городскими массовыми мероприятиями являются День Победы (42 % приняло участие за последние 2 года), День Города (36 %) и Алые паруса (23 %). Наиболее низкий потенциал продемонстрировали «новые» федеральные праздники: День России (8 %) и День народного единства (3 %).

56 % респондентов частично поддерживают изменения топонимического городского ландшафта, в зависимости от характера предлагаемых изменений, в основном мотивируя это желанием восстановить изначальную историческую топо-

нимическую карту города. 25 % высказываются категорически против переименований (наиболее популярная причина – высокие бюджетные затраты). Топонимическую политику, по мнению респондентов, в первую очередь, должны формировать жители города (78 % согласилось с данным предложением); далее по убыванию значимости: жители района, городские власти, органы местного самоуправления.

Почти половина опрошенных (47 %) согласна, что в течение последних 5 лет город развивается, отмечая в основном улучшения в инфраструктурной сфере и в области благоустройства региона (34 % от тех, кто оценил динамику положительно). 27 % опрошенных настроены более скептически: по их мнению, положение дел в городе ухудшилось.

Кодирование открытых ответов на вопрос: «Что бы Вы хотели изменить в жизни и образе города?» позволило выделить несколько приоритетных, с точки зрения городского сообщества, проблем: 26 % комментариев посвящены благоустройству («СПб необходим евроремонт», «зеленые территории привести в порядок»; «убрать рекламу»), 19 % инфраструктурному развитию городской среды («метро строить не десятилетиями», «дороги и городской транспорт»), 11 % изменению политической системы («губернатором должен быть тот, кто родился и

жил в Петербурге»; «прямые честные выборы»; «хочу Сергея Семёновича Собянина»; «городским хозяйством управляют бездары, не любящие Санкт-Петербург. Городу нужен заботливый хозяин, а не власть, угрожающая вышестоящему начальству и угрожающая жителям дубинками»). Проанализировав ответы по данному блоку, можно утверждать, что у жителей региона существует большой запрос на изменение курса административно-хозяйственной деятельности органов власти.

Несмотря на ярко выраженную обеспокоенность вопросами развития городской среды и благоустройства, только 5 % опрошенных принимают систематическое участие в гражданских инициативах в данной сфере. 33 % участвовали несколько раз, 14 % только единожды и 34 % никогда не были вовлечены в подобные проекты.

В целом для всех социальных групп населения свойственна низкая оценка деятельности властей всех трех уровней: по пятибалльной шкале «удовлетворительно» и ниже региональным политическим институтами поставили 88 %; районным административным органам – 84 %; муниципальному уровню – 80 % соответственно.

Неожиданностью для автора стало бурное онлайн-обсуждение образа Санкт-Петербурга, а также актуальных для городского сообщества проблем, развернувшееся под таргетированным постом со ссылкой на

опросную форму в социальной сети «Facebook». Пользователи активно обсуждали «правильные» и «неправильные» названия города, варианты самоназваний жителей региона: «Раньше, (в прошлой жизни), везде говорил: «Я из Питера». Сейчас все чаще говорю: «Я из Ленинграда» (11 поддерживающих реакций на комментарий); «Только москвич мог написать Питер, ленинградцы говорят либо Ленинград, либо Петербург» (15 реакций).

Значимой частью дискуссий стало критическое обсуждение региональной власти, в особенности первого лица региона: «Вот как сказал много лет назад один известный человек: «Нам нужен такой губернатор, который любил бы город в себе, а не себя в городе». Я с ним согласна. Увы, у нас таких еще не было» (23 реакции); «Город прекрасный и любимый. Вся жизнь прожила здесь. Сейчас город запущенный и грязный. Появляются жуткие строения, мансарды в самом центре. Город нуждается в другом руководстве, любящим свой город. Пока таких не было. Выбор за нами» (19 реакций).

В комментариях нашли отражение проблемы благоустройства городской среды и инфраструктуры: «Что-то стало заметно хуже с уборкой города. Мало того, что мусор валяется даже в парке вдоль прекрасной Карповки реки, так еще и песок ветром гоняет.... ..а прорыва в улучшении инфраструктуры и благоустройства нет» (11 реакций).

В меньшем объеме присутствовали и другие темы: социальная несправедливость, ксенофобия, возторженная риторика восхищения городом, высказывание негативного отношения к климатическим особенностям региона и др. В некотором смысле, специфическая и стихийная дискуссия в социальной сети отразила выводы исследования.

Выводы

Метод массового опроса, базирующийся на выработанной автором системе индикаторов и оценивающих степень влияния предпринимаемых мер на предполагаемый «объект» политики идентичности – жителей региона, подтвердил свою актуальность. Опросные методики наряду с анализом официальных документов, сбором экспертных оценок, выявлением дискурсивных практик, проведением case-study могут быть успешно интегрированы в комплексный подход к исследованию эффективности направлений символической политики в России.

Экспертиза данных массового онлайн-опроса позволяет заключить, что архитектурно-историческая символическая компонента остается наиболее значимой для большинства петербуржцев, однако также эмоциональный отклик вызывают проблемы не только сохранения исторического наследия, но и районного благоустройства. Тезис о необходимости «хозяйственного» губернатора является одной из базовых претензий к политическому лидеру региона. В качестве ядра петербуржской идентичности, наряду с традиционной вежливостью и образованностью, можно выделить трепетное отношение «истинных» петербуржцев к сохранению уникального образа города. Маркером «приезжих» (как мигрантов из стран ближнего зарубежья, так и россиян, переехавших из других регионов РФ) является отсутствие желания «заботиться» о городе и сохранять его культурное наследие.

Библиографический список

1. Авксентьев В. Б. Политика идентичности в современной России: конструкция и деконструкция (экспертное мнение) / В. Б. Авксентьев, Б. В. Аксюмов // Научная мысль Кавказа. 2017. №3/91. С. 23-32.
2. Белов С. И. Компьютерные игры как ресурс реализации политики памяти: практический опыт и скрытые возможности (на материалах позиционирования событий Великой Отечественной войны) / С. И. Белов, А. А. Кретьева // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2020. №1. С. 54-63.
3. Белов С. И. Недостатки формирования политики памяти в России (результаты обобщения экспертных мнений) // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. № 2. С. 269-277.
4. Брубейкер Р. За пределами «идентичности» / Р. Брубейкер, Ф. Купер // Теория и общество. 2000. №1. С. 34-52.

5. Брубейкер Р. Этничность без групп. Москва: ИД «Высшая школа экономики», 2012. 408 с.
6. Будко Д. А. Эффективность деятельности органов власти в оценках жителей Санкт-Петербурга / Д. А. Будко, А. В. Шентякова // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2015. № 2. С. 144-171.
7. Данные социологического опроса «Россия и Европа». URL: <https://www.levada.ru/2021/03/18/rossiya-i-evropa-2/>. (Дата обращения: 15.05.2022).
8. Калашникова С. К. Региональная политика идентичности: образ Санкт-Петербурга в дискурсе лидеров региона // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2020. Т. 16, № 4. С. 505-517.
9. Коцюбинский Д. А. Символика петербургского регионализма: попытка создания новых городских символов и причины ее неудачи в 1990-2000-х гг. // Публичная политика. 2019. Т. 3, № 1. С. 89-110.
10. Малинова О. Ю. Конструирование смысловых рамок памяти о реформах 1990-х гг. в либеральном дискурсе 2000-х гг. // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. №3. С. 91-105.
11. Малинова О. Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018. №3. С. 53-84.
12. Мартынов М. Ю. Ценности патриотизма и формирование гражданской идентичности (по материалам социологического опроса в Югре) / М. Ю. Мартынов, В. С. Пуртова // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. №1. С. 14-19.
13. Назукина М. В. Новые тенденции в политике идентичности на региональном уровне в России: акторы, специфика, тренды // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2014. № 3. С. 137-150.
14. Назукина М. В. Поздравительный дискурс «дня республики» как компонент региональной политики идентичности: этничность имеет значение? / М. В. Назукина, Е. Ю. Филиппова // ARS ADMINISTRANDI. 2019. №4. С. 345-359.
15. Озерова К.А. Наследие Волжской Булгарии и региональная идентичность: политика памяти и «изобретение» традиций // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. №2/2. С. 127-132.
16. Пашкус В. Ю. Создание сильного культурного бренда Санкт-Петербурга: прорывное позиционирование и подходы к оценке / В. Ю. Пашкус, Н. А. Пашкус, М. В. Пашкус // Региональная экономика: теория и практика. 2016. №4. С. 19-30.
17. Попова О. В. Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. №4. С. 74-91.
18. Смирнов Д. С. Ценностные ориентации политической элиты как фактор ее эффективности // Власть. 2007. №2. С. 18-22.
19. Сунгуров А. Ю. В поисках критериев эффективности института Уполномоченного по правам человека // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. №4. С. 189-204.

20. Федорченко С. Н. Сетевые компьютерные игры в эпоху цифровизации: новые угрозы или потенциалы для реализации политики памяти? / С. Н. Федорченко, Д. О. Тедиков, К. В. Теслюк, Р. А. Маркарян // Вестник МГОУ. 2019. №3. С. 67-86.

21. Шабров О. Ф. Эффективность государственного управления в условиях постмодерна // Власть. 2010. №5. С. 4-9.

22. Шентякова А. В. Консолидация элит и лидерство как факторы эффективности политики идентичности (по оценкам экспертов) // Социодинамика. 2019. №12. С. 9-17.

23. Шульга Е. П. Этническая идентичность студенчества: опыт этносоциологического опроса регионального университета / Е. П. Шульга, В. В. Медведев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. №5. С. 186-194.

24. Banini T. Proposing a theoretical framework for local territorial identities: concepts, questions and pitfalls // Territorial Identity and Development. 2017. Vol. 2, №2. P. 16-23.

Reference list

1. Avksent'ev V. B. Politika identichnosti v sovremennoj Rossii: konstrukcija i dekonstrukcija (jeksperтноe mnenie) = Identity politics in modern Russia: construction and deconstruction (expert opinion) / V. B. Avksent'ev, B. V. Aksjumov // Nauchnaja mysl' Kavkaza. 2017. №3/91. S. 23-32.

2. Belov S. I. Komp'juternye igry kak resurs realizacii politiki pamjati: praktičeskij opyt i skrytye vozmožnosti (na materialah pozicionirovanija sobytij Velikoj Otechestvennoj vojny) = Computer games as a resource for implementation of memory policy: practical experience and hidden opportunities (on materials for positioning events of the Great Patriotic War) / S. I. Belov, A. A. Kretova // Vestnik MGOU. Serija: Istorija i političeskie nauki. 2020. №1. S. 54-63.

3. Belov S. I. Nedostatki formirovanija politiki pamjati v Rossii (rezul'taty obobshhenija jekspertnyh mnenij) = Disadvantages of memory policy formation in Russia (results of generalization of expert opinions) // Vestnik RUDN. Serija: Politologija. 2018. № 2. S. 269-277.

4. Brubejker R. Za predelami «identichnosti» = Beyond “identity” / R. Brubejker, F. Kuper // Teorija i obshhestvo. 2000. №1. S. 34-52.

5. Brubejker R. Jetnichnost' bez grupp = Ethnicity without groups. Moskva : ID “Vysshaja shkola jekonomiki”, 2012. 408 s.

6. Budko D. A. Jeffektivnost' dejatel'nosti organov vlasti v ocenkah zhitelej Sankt-Peterburga = The effectiveness of the authorities in the assessments of residents of St. Petersburg / D. A. Budko, A. V. Shentjakova // Politicheskaja jeksperaliza: POLITJeKS. 2015. № 2. S. 144-171.

7. Dannye sociologičeskogo oprosa «Rossija i Evropa» = Data from the sociological survey “Russia and Europe”. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/18/rossiya-i-evropa-2/>. (Data obrashhenija: 15.05.2022).

8. Kalashnikova S. K. Regional'naja politika identichnosti: obraz Sankt-Peterburga v diskurse liderov regiona = Regional identity politics: the image of St. Petersburg in

the discourse of the leaders of the region // Politicheskaja jekspertiza: POLITJEKS. 2020. T. 16, № 4. S. 505-517.

9. Kocjubinskij D. A. Simvolika peterburgskogo regionalizma: popytka sozdaniya novyh gorodskih simbolov i prichiny ejo neudachi v 1990-2000-h gg. = The symbolism of St. Petersburg regionalism: an attempt to create new urban symbols and the reasons for its failure in the 1990-2000s. // Publichnaja politika. 2019. T. 3, № 1. S. 89-110.

10. Malinova O. Ju. Konstruirovanie smyslovyh ramok pamjati o reformah 1990-h gg. v liberal'nom diskurse 2000-h gg. = The construction of the semantic framework of memory of the reforms of the 1990-s in the liberal discourse of the 2000-s // Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk. 2019. №3. S. 91-105.

11. Malinova O. Ju. Obosnovanie politiki 2000-h godov v diskurse V. V. Putina i formirovanie mifa o «lih devjanostyh» = Justification of the policy of the 2000-s in the discourse of V. V. Putin and the formation of the myth of “dashing nineties” // Politicheskaja nauka. 2018. №3. S. 53-84.

12. Martynov M. Ju. Cennosti patriotizma i formirovanie grazhdanskoj identichnosti (po materialam sociologicheskogo oprosa v Jugre) = Values of patriotism and the formation of civic identity (based on the materials of a sociological survey in Ugra) / M. Ju. Martynov, V. S. Purtova // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologija. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2019. №1. S. 14-19.

13. Nazukina M. V. Novye tendencii v politike identichnosti na regional'nom urovne v Rossii: akty, specifika, trendy = New trends in identity politics at the regional level in Russia: actors, specifics, trends // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. 2014. № 3. S. 137-150.

14. Nazukina M. V. Pozdravitel'nyj diskurs «dnja respubliki» kak komponent regional'noj politiki identichnosti: jetnichnost' imeet znachenie? = The congratulatory discourse of the “day of the republic” as a component of regional identity politics: does ethnicity matter? / M. V. Nazukina, E. Ju. Filippova // ARS ADMINISTRANDI. 2019. №4. S. 345-359.

15. Ozerova K. A. Nasledie Volzhskoj Bulgarii i regional'naja identichnost': politika pamjati i “izobretenie” tradicij = The legacy of Volga Bulgaria and regional identity: the politics of memory and the “invention” of traditions // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2018. №2/2. S. 127-132.

16. Pashkus V. Ju. Sozdanie sil'nogo kul'turnogo brenda Sankt-Peterburga: proryvnoe pozicionirovanie i podhody k ocenke = Creation of a strong cultural brand of St. Petersburg: breakthrough positioning and approaches to assessment / V. Ju. Pashkus, N. A. Pashkus, M. V. Pashkus // Regional'naja jekonomika: teorija i praktika. 2016. №4. S. 19-30.

17. Popova O. V. Gosudarstvennaja politika identichnosti kak teoreticheskij konstrukt i real'naja praktika: opyt jekspertnyh ocenok rossijskih issledovatelej = State identity policy as a theoretical construct and real practice: experience of expert assessments of Russian researchers // Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk. 2019. №4. S. 74-91.

18. Smirnov D. S. Cennostnye orientacii politicheskoi jeliti kak faktor ee jeffektivnosti = The value orientations of the political elite as a factor in their effectiveness // Vlast'. 2007. №2. S. 18-22.

19. Sungurov A. Ju. V poiskah kriteriev jeffektivnosti instituta Upolnomochennogo po pravam cheloveka = Seeking criteria for the effectiveness of the Human Rights Ombudsman // Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS. 2010. №4. S. 189-204.

20. Fedorchenko S. N. Setevye komp'juternye igry v jepohu cifrovizacii: novye ugrozy ili potencialy dlja realizacii politiki pamjati? = Networked computer games in the age of digitalization: new threats or potentials for implementing memory policy? / S. N. Fedorchenko, D. O. Tedikov, K. V. Tesljuk, R. A. Markarjan // Vestnik MGOU. 2019. №3. S. 67-86.

21. Shabrov O. F. Jeffektivnost' gosudarstvennogo upravljenija v uslovijah postmoderna = Efficiency of public administration in postmodern conditions // Vlast'. 2010. №5. S. 4-9.

22. Shentjakova A. V. Konsolidacija jelit i liderstvo kak faktory jeffektivnosti politiki identichnosti (po ocenkam jekspertov) = Consolidation of elites and leadership as factors in the effectiveness of identity politics (according to experts) // Sociodinamika. 2019. №12. S. 9-17.

23. Shul'ga E. P. Jetnicheskaja identichnost' studenchestva: opyt jetnosociologicheskogo oprosa regional'nogo universiteta = Student ethnic identity: regional University ethnosociological survey experience / E. P. Shul'ga, V. V. Medvedev // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. №5. S. 186-194.

24. Banini T. Proposing a theoretical framework for local territorial identities: concepts, questions and pitfalls // Territorial Identity and Development. 2017. Vol. 2, №2. P. 16-23.

Статья поступила в редакцию 08.06.2022; одобрена после рецензирования 01.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 08.06.2022; approved after reviewing 01.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022